

Мартин Гилман

## **Дефолт, которого могло не быть**

*Серия «Дело»*

Этой книги о дефолте, потрясшем страну в 1998 году, ждали в России (да и не только в России) ровно десять лет. Мартин Гилман — глава представительства Международного валютного фонда в Москве (1996 — 2002) — пытался написать и издать ее пятью годами раньше, но тогда МВФ публикацию своему чиновнику запретил. Теперь Гилман в МВФ не служит. Три цитаты из книги. «Полученный в России результат можно смело считать самой выгодной сделкой века». «Может возникнуть вопрос, не написана ли эта книга с тем, чтобы преподнести аккуратно подправленную версию событий и тем самым спасти доброе имя МВФ. Уверяю, у меня не было подобных намерений». «На Западе в последние годы многие увлекались игрой в дутые финансовые схемы, и остается только надеяться, что россияне сохранят привитый кризисом 1998 года консерватизм. Но как долго эффект этой прививки будет действовать, мы пока не знаем».

Уже знаем.

# **Глава 1**

## **Пролог**

## Что заставило меня взяться за эту книгу

Вопрос, почему именно я написал эту книгу вполне естественный. Я и сам думал: кто я такой, чтобы высказывать серьезные суждения о России? Я спрашивал и российских, и иностранных коллег, игравших в событиях 1998 года ключевые роли: кто напишет об этом? Но братья за перо никто не собирался. И вот обстоятельства сложились так, что рассказать о тех событиях выпало именно мне.

Хотя, должен признать, планы на жизнь у меня были совсем другие. Выйдя на пенсию после тридцатилетней карьеры международного служащего (сначала в ОЭСР, затем в МВФ), я предвкушал все то чудесное, чем смогу наконец заняться. Мне давно хотелось выучить как следует русский язык, чтобы прочесть «Евгения Онегина» в оригинале. И начать опять играть на фортепиано мне тоже хотелось. И посвятить больше времени семье и моим детям, и обновить научные познания. Всего этого мне действительно хотелось. Но никак не писать книгу о переходном периоде в России.

И тем не менее я за нее взялся. Дело, конечно, не только в том, что никто больше из участников описываемых событий писать книгу не захотел, или что, рассказав эту историю, я бы расставил в ней точки над «і», или что у меня таким образом появилась бы возможность попытаться объяснить — публике или себе — что-то, сделанное тогда. Для меня было важным еще вот что. Мне уже 60 лет, и теперь я, как мне кажется, очень ясно отдаю себе отчет в том, какой мир мы оставим нашим детям в наследство, причем отнюдь не в таком уж далеком будущем.

Еще подростком я где-то вычитал, что взгляды человека на мир полностью формируются годам к 15-ти. Я хорошо это запомнил. Ведь я уже тогда понимал, что мир не стоит на месте, и что, возможно, уроков, преподанных мне родителями, окажется недостаточно для того, чтобы справляться с эволюционирующим *Zeitgeist*, а может даже, чтобы просто понимать его. Ведь мои родители, мои деды и бабки выросли в эпоху, когда все менялось гораздо медленнее, и потому они, возможно, и не переживали особо по поводу будущего — они могли себе это позволить.

Но сегодня сохранять такой «беспечный» взгляд на жизнь уже нельзя. Велик риск совершить ошибки, которые обойдутся слишком дорого. Да и в прошлом, сто лет назад — кстати, тоже в эпоху быстрой глобализации и оптимистичного общего настроения, тогдашнее поколение

политиков не заставило себя пересмотреть взгляд на мир, сформировавшийся в предыдущем столетии. И в результате случились одни из самых трагических событий 20-го века... Я убежден, что мы сегодня обязаны сделать усилие над собой, преодолеть собственную естественную инертность и все-таки попытаться переосмыслить мир с точки зрения тех новых реалий, которые несет нам XXI век. Причем такой пересмотр нашего мироощущения может быть как раз нужнее всего в отношении России и нашего представления о ее месте в мире.

Если честно, меня, как и большинство американцев моего поколения, с детства научили бояться Советского Союза и считать, что за любыми его поступками всегда кроются злые намерения. Я знал, конечно, что в войне против Гитлера Советы были союзниками Штатов и что именно они вынесли на своих плечах главную тяжесть войны, понесли огромные человеческие жертвы. Но зато совсем свеж был в моей памяти кубинский кризис и тот страх, который я, тогда выпускник средней школы, испытал в октябре 1962 года. И даже когда уже при Горбачеве, в 1989 году, пала Берлинская стена, а следом развалилась советская империя, мои «старые» взгляды на мир в отношении этих «новых» русских никак не изменились. Те мои предубеждения и дальше влияли бы на мое мироощущение, если бы обстоятельства моей дальнейшей жизни не сложились так, как сложились.

А вышло так, что, проработав многие годы в Европе и в Вашингтоне и, к тому же, еще два года в Африке, я очутился в Москве. Как мог чувствовать и вести себя здесь американец, родившийся и выросший в Мемфисе? С одной стороны, я мог просто не замечать «всех этих русских» с их обычными повседневными заботами. Мог не задумываться над тем, что им, в отличие от меня, не повезло и они просто в силу своего рождения угодили в самый извращенный и самый масштабный социальный эксперимент в истории человечества и что в этом, собственно, и заключается единственная между ними и мной разница. А мог, наоборот, последовать собственной любознательности и все-таки попробовать понять, что настоящая Россия вовсе не та страна злодеев, какой она мне раньше заочно представлялась.

Выручил меня в определенном смысле пресловутый когнитивный диссонанс. Ведь я теперь жил в незнакомой мне среде, и практически никто из окружавших меня людей мое мироощущение не разделял. Поначалу такой диссонанс между ними и мной не давал мне покоя даже еще больше, чем

моя упрямая верность заученным с детства убеждениям. Что-то похожее мог бы, наверное, испытывать человек, которому сначала внушили бы, что Земля плоская, а потом он вдруг очутился бы один-одинешенек среди фанатиков «круглости» планеты. Так что отчасти внутренняя готовность посмотреть на новейшую историю России свежим взглядом и написание книги об этом — это моя попытка убедить остальных, что, когда мир так сильно меняется, относиться ко всему нужно непредвзято.

Уверен, что крайне важно не дать укорениться в умах тому новому образу России, который с недавних пор стал вполне расхожим в Европе и в США. Иначе уже в обозримом будущем возможны серьезные просчеты в прогнозах как у политиков, так и у инвесторов. Если мы не разберемся как следует в том, что уже произошло, не выясним для себя, какие были допущены ошибки, то вполне вероятно, что нам не удастся избежать неприятностей и в будущем. А не задумываться о том, что случится с Россией в последующие годы, мы просто не имеем права: Россия по-прежнему обладает смертоносным военным потенциалом, занимает центральное место в плане географии и ресурсов и конечно же продолжает играть свою историческую роль осевого государства.

## Живая история

Я надеюсь, что для российского читателя рассказ о том, как события виделись с позиций МВФ, будет если и не увлекательным, то, по крайней мере, познавательным. К тому же, если не ошибаюсь, это первая книга такого рода. Насколько мне известно, еще ни один руководящий сотрудник фонда не брался рассказывать о событиях, в которых он по долгу службы принимал участие<sup>[1]</sup>. Даже те, кто вышли на пенсию и ничем уже не рискуют, этого пока не делали. Что само по себе несколько странно, особенно теперь, когда о политике правительств и ее разработчиках принято говорить гораздо более откровенно. При такой открытости руководители МВФ наверняка могли бы рассказать немало поучительного о былых событиях<sup>[2]</sup>.

Есть, конечно, в этом деле свои трудности. Когда пишешь о важном историческом событии исходя из собственного опыта, то какие-то моменты неизбежно вспоминаешь уже не так четко, а о каких-то аспектах и попросту забываешь сказать. К тому же, личные воспоминания всегда односторонни. Но зато мемуары позволяют получить представление и даже немного почувствовать, каково приходилось непосредственным участникам событий.

Но, пожалуй, лишь теперь, по прошествии достаточного времени начинаешь понимать, кто действительно находил гениальные решения, а кто вообще не думал о последствиях. В этом смысле, если вспомнить, какие страсти кипели вокруг тогдашних событий в России и сколько по их поводу было споров, сегодня можно совершенно по-новому выставить оценки и раздать немало похвал и тумаков (причем я и сам заслужил и то и другое). Очевидно, однако, что кризис августа 1998 года стал своего рода водоразделом. И, чтобы правильно понять новую Россию, оценить ее силу и потенциал, до сих пор не решенные проблемы, необходимо услышать как можно больше мнений.

## Водораздел

Истинное значение кризиса и последовавших за ним событий сегодня, скажем прямо, улавливается пока с трудом. Происходит это из-за того, что Россию в мире по-прежнему видят в негативном свете. Этот отрицательный образ сложился, по крайней мере, после августа 1998 года и закрепился во время второго срока президента Путина. То, какую роль в его создании сыграли западные СМИ и оставшаяся у практически безработных ныне советологов ностальгия по быломu четкому делению мира на Запад и Восток, заслуживает само по себе отдельного серьезного исследования. Но и без этого очевидно, что журналисты и советологи не были полностью объективны. Они обращали внимание только на те новости, которые укрепляли существующий отрицательный стереотип, образ России как страны, опасной для Запада и потому не заслуживающей доверия. Цель моей книги — восстановить равновесие. События августа 1998-го причинили большой экономический ущерб, из-за них пострадали многие люди — как случайные участники, так и весь сверхтерпеливый российский народ, и я ни в коем случае не собираюсь это отрицать. Но в то же время я попытаюсь доказать, что в тот момент страна начала разворачиваться в правильном направлении.

До кризиса 1998 года политический класс России вел себя так, будто ему было все равно, какие последствия будет иметь ожесточенная борьба за активы. Федеральная власть была слаба и дискредитирована (возможно, так проявилась реакция на жизнь в условиях высокой централизации и полицейского государства при коммунистическом режиме). Казалось, страну разорвут центробежные силы. В результате законодательство — даже добротное — на практике не действовало. Госаппарат был деморализован, штаты в бюджетной сфере раздуты и недофинансированы. Сбор налогов находился в ужасном состоянии, и его эффективность была абсолютно недостаточна даже для ограниченного финансирования управленческих функций государства, не говоря уже о жизненно необходимой системной трансформации. У государства не было ни воли, ни средств для эффективных действий. Кризис 1998 года стал сигналом к действию. Страна должна была выбрать между воровским капитализмом банановой республики и жесткой программой превращения в современное государство.

Я придерживаюсь того мнения, что Россия действительно возрождается на наших глазах, но при этом все же нужно стараться сохранять трезвость в оценках. Ведь сколько раз в вопросе о краткосрочных перспективах экономического развития в России общепринятое мнение, в том числе и среди специалистов (о чем еще будет разговор), оказывалось ошибочным. Нельзя забывать, что надежность любых прогнозов всегда относительна.

Историю пишут победители. Так мы привыкли считать, и это имеет большое значение, поскольку от того, как история преподнесена, непосредственно зависит и то, как мы ее воспринимаем. Это касается не только общей истории, но и экономической — от того, как она изложена, зависят наши ожидания и расчеты на будущее.

Моя книга — это как раз такой рассказ о кратком периоде в истории политической экономии. Как станет видно из повествования, имеющийся на сегодняшний день результат ни в коем случае не был предопределен. Исторический детерминизм в стиле неверно понятого гегельянства никакой роли не сыграл. А если бы были верны тезисы экономического детерминизма, мы бы имели сегодня совершенно другой результат. Национальный характер, бесспорно, накладывает свой отпечаток на события и в какой-то мере влияет на их ход, но все-таки не он сыграл решающую роль. Просто люди, которые прямо по ходу дела искали и находили решения, таким образом начали писать новую страницу в истории своей нации.

## Общего мнения нет

В этом смысле особенно важно правильно понять реальную суть кризиса 1998 года и его последствий. В историческом плане очевидно, что Россия осталась в выигрыше. Однако не все эту точку зрения разделяют, считая, что в последние десять лет просто имело место некое временное искажение, получившееся в результате высоких цен на энергоносители и, возможно, какого-то исключительного везения. Такое толкование событий, главным образом за пределами России, преобладает потому, что США и Западная Европа по-прежнему остаются в представлении обычных людей ведущими державами, особенно с учетом веса СМИ этих стран в мировом медийном пространстве.

Подобные представления сохраняются в умах еще и потому, что после финансового краха в 1998 году якобы вскрылись некие финансовые скандалы. Их до сих пор преподносят как скандалы, хотя на деле они были в значительной степени выдуманы: выделенный в июле 1998 года транш МВФ в 4,8 млрд долл. США украден не был, а Bank of New York никакие миллиарды русской мафии не отмывал (хотя некоторые злоупотребления и имели место). Но в СМИ только и было что сенсационные статьи на первых страницах, броские заголовки в теленовостях и последующие парламентские расследования. Могло ли после этого сформироваться какое-то иное общественное мнение? Ведь о том, что обвинительные статьи впоследствии опровергались, недобросовестных репортеров выгоняли с работы, иски урегулировались, а в некоторых случаях снимались обвинения, если и писали, то лишь в некоторых крупных газетах, да и то отнюдь не на первых страницах.

Читатели, ожидающие от меня сухого отчета о событиях, возможно, посчитают, что мое повествование местами непоследовательно, а мысли — скачут. Но я выстраивал свой рассказ, имея в виду в первую очередь показать, как в условиях постоянной нехватки исчерпывающей информации неглупые люди, поставленные каждый на своем уровне перед необходимостью принимать решения исходя только из собственного понимания ситуации и мотиваций и ожиданий всех остальных, в большинстве случаев искренне пытались найти все-таки оптимальный вариант. Иногда им это удавалось, а иногда нет. Их задачу усложняло и то, что на развитие событий одни россияне спонтанно отвечали

возвратом к идеалам советского прошлого, а другие, наоборот, спешили воспользоваться общей неразберихой и сколотили себе неплохие состояния — у кого сколько получилось. Причем получилось у некоторых настолько неплохо, что, по подсчетам журнала «Форбс», на конец 2007 года общее состояние 87 российских долларовых миллиардеров равнялось 30% ВВП страны. Но я не вдавался в психологические интерпретации и тем более старался никого не судить.

Следует признать, что развитие событий в России могло бы сложиться гораздо хуже. Это не значит, что сегодня все в полном порядке или что у страны безупречные отношения с соседями и уж тем более с Западом. Просто если бы мы жили в идеальном мире, то, наверное, можно было бы рассчитывать и на более впечатляющий результат. В реальном мире следует признать, что нам очень повезло. Я даже скажу больше — в отличие от моего друга Кристины Фрилэнд, которая, правда, свою книгу написала сразу после кризиса: полученный в России результат можно смело считать самой выгодной сделкой века.

Я категорически не согласен с распространенным в научных кругах мнением, что Россия — страна-неудачница и что она всегда будет оставаться на «задворках» цивилизованного общества<sup>[3]</sup>. За последние несколько лет Россия своим примером полностью опровергла такие доводы, как и представления сохранившихся еще кое-где на Западе романтиков марксизма. Обреченных стран не бывает. Выход из положения есть всегда. Нужны только правильно обозначенные экономические ориентиры и, как и в любом начинании, немного везения. Но и в этом случае все может случиться с точностью до наоборот — и потому, хотя при президенте Путине, а теперь Медведеве россияне и начали выводить свою страну на путь процветания, успокаиваться и почивать на лаврах им еще рано.

Точно так же, как кризиса 1998 года можно было избежать, и повторение подобных потрясений в будущем отнюдь не неизбежно. При этом пытливый читатель наверняка отметит для себя, насколько важно в этом смысле запомнить уроки того кризиса. Что, кажется, уже и сделало нынешнее поколение россиян: не похоже, чтобы они в обозримом будущем решились снова начать жить не по средствам. Поэтому главный вопрос здесь, пожалуй, в том, как такому же отношению научить тех, кто придет им на смену. Герберт Уэллс как-то сказал: «История — это рассказ о соревновании,

в котором побеждает либо обучение, либо катастрофа». На Западе в последние годы слишком многие увлекались игрой в дутые финансовые схемы, и остается только надеяться, что россияне сохранят привитый кризисом 1998 года финансовый консерватизм. Но как долго эффект этой прививки будет действовать, мы пока не знаем<sup>[4]</sup>.

В суждениях о России наблюдатели обычно впадают в крайности. И чем дальше от Москвы, тем больше амплитуда этих оценок. Например, летом 1997 года рублевые векселя российских регионов с большой охотой покупали уже даже мелкие частные инвесторы в американской глубинке. Одновременно в самой России инвесторы, наоборот, не очень-то им доверяли и предпочитали вкладывать деньги за границей в долларовые инструменты. Затем, когда в представлении иностранцев российские ценные бумаги стали опаснее ядерных отходов, российские инвесторы, в том числе и некоторые инвестиционные банки в Москве, по-прежнему реагировали на ситуацию гораздо спокойнее. На мой взгляд, реальную картину искажали — порой достаточно сильно — всяческие измышления бывших советологов вкупе со статьями и репортажами работавших в Москве журналистов. Именно из-за того, что тогда на Западе писали о России, о ней создалось расхожее представление как о стране, где правят эгоистичные олигархи и бывшие агенты спецслужб.

Общественное мнение по-прежнему скептически относится не только к России, но и к МВФ. Фонд действительно допускал просчеты, и это будет отражено в моей книге. Но в то же время считаю необходимым опровергнуть тех критиков — например, Джозефа Стиглица, — которые утверждают, что МВФ совершил в России слишком грубые, совсем уж очевидные ошибки. И одновременно попытаюсь показать, что на самом деле Россия в тот период была вынуждена одновременно решать самые разные и крайне сложные проблемы и что с учетом царившей в стране неразберихи она справилась с этой задачей много лучше, чем можно было ожидать. Эта настоящая Россия совсем не такая, какой ее представил Эдвард Лукас<sup>[5]</sup>.

## Моя «Российская одиссея»

Я не профессиональный эксперт по России, хотя по сравнению с некоторыми специалистами, возможно, научился понимать эту страну глубже и тоньше, ведь все последние 15 лет моя профессиональная и личная жизнь была целиком связана именно с Россией. В 1993 году, работая в МВФ, я был назначен в его «российскую команду» и начал практически ежемесячно курсировать между Вашингтоном и Москвой. А в ноябре 1996 года меня и вовсе перевели в Москву главой представительства МВФ. В российской столице я прожил вплоть до возвращения в Вашингтон в июле 2002 года<sup>[6]</sup>. Наконец, в июле 2005 года я опять вернулся в Москву и с тех пор живу здесь постоянно.

Мне довелось на протяжении более чем 30 лет заниматься экономическими проблемами самых разных стран, сначала в рамках Организации экономического сотрудничества и развития в Париже, а затем в МВФ. В фонде я в основном работал в Департаменте разработки и анализа политики и участвовал в переговорах с 17 странами в Восточной Европе, Азии, Африке и на Ближнем Востоке. В этом качестве я почти восемь лет находился в самом центре событий в России. Поэтому при работе над книгой я опирался на собственные записи и воспоминания о состоявшихся тогда встречах, дискуссиях и событиях.

В написании книги мне оказали помощь и бывшие руководители МВФ, в первую очередь Мишель Камдессю, Стэнли Фишер и Джон Одлинг-Сми. Камдессю, кстати, многие свои взгляды, отраженные в этой книге, публично высказал впервые. Освежить воспоминания мне также помогли беседы со многими российскими руководителями, которых я хорошо знал по работе, а с некоторыми со временем даже подружился. Ну и, наконец, самым, может быть, главным подспорьем при написании книги стало то, что я женился на Татьяне Малкиной. Ведь она вплоть до нашего отъезда в Вашингтон в 2002 году была одним из ведущих политических обозревателей в России, входила в «кремлевский» пресс-пул, и благодаря ей у меня появился не только уникальный прямой канал связи на самом высоком уровне власти, но и возможность понять, как сами россияне в действительности воспринимают окружающий мир<sup>[7]</sup>.

И, в заключение этой главы, еще одно важное соображение. Все, что предшествовало кризису 1998 года, и

то, что за ним последовало, вполне можно рассматривать как жестокий удар не только по самой России, но и по репутации МВФ, а может быть, и по репутации автора. И потому может возникнуть вопрос, не написана ли эта книга с тем, чтобы преподнести аккуратно подправленную версию событий и тем самым спасти доброе имя МВФ. Уверяю, у меня не было подобных намерений. К тому же, я теперь на пенсии, и вряд ли кто-то может меня заставить излагать приукрашенную историю. Да никто и не пытался. МВФ лишь попросил проявлять сдержанность в критических оценках конкретных лиц. Будь я по-прежнему сотрудником фонда, тогда его правила, возможно, и помешали бы мне выпустить книгу. В 2003 году, кстати, именно так и случилось, но с другой моей, более ранней рукописью<sup>[8]</sup>. При том, что МВФ последовательно призывает других добиваться полной открытости и прозрачности, тот запрет кажется, конечно, несколько странным, поскольку выставляет сам фонд в невыгодном свете как организацию чересчур осторожную. Но как бы там ни было, думаю, что я не заслуживаю упреков в том, что эта книга призвана «защитить честь мундира» и, следовательно, необъективна: в экономике России в последние годы были и удачи, и провалы, но МВФ к ним имеет очень мало отношения. Россияне и ошибки совершали, и успехов добивались в первую очередь сами.

Это книга — о людях, живущих в эпоху исторических перемен. Сложно по отдельности поблагодарить каждого, кто помог мне в ее написании — таких людей слишком много. Мои коллеги в московском офисе МВФ — Джонатан Андерсон, Альфред Каммер, Том Ричардсон, русские сотрудники под руководством Татьяны Рубиной — были моими лучшими учителями. Невозможно недооценить вклад российских партнеров и моих друзей в России. Многие из них потратили свои силы и время на то, чтобы обсудить со мной свои впечатления об описываемых событиях, и я в долгу перед ними. Особо я бы упомянул Сергея Алексашенко, Андрея Бугрова, Александра Волошина, Олега Вьюгина, Евгения Гавриленкова, Мишеля Камдессю, Михаила Касьянова, Алексея Можина, Эльвиру Набиуллину, Джона Одлинга-Сми, Александра Потемкина, Стэнли Фишера и Евгения Ясина. Благодарю также моего друга

Викторию Янакову за советы и мою помощницу Елену Лавренюк за техническую сторону работы. Эта книга никогда бы не увидела свет без неоценимых редакторских усилий Андрея Денисова и Дмитрия Волкова. И наконец, я посвящаю

эту книгу Тане и нашим детям — Марку и Агате. Посвящаю  
ее также всем детям, которые, как я надеюсь, в XXI веке  
будут жить в мире и процветании.

## **Глава 2**

### **Ретроспективный взгляд на крах 1998 года**

## Десять лет спустя

Поразительно, насколько экономический кризис, случившийся в России в 1998 году, видится сегодня по-другому. Десять лет назад царило ощущение, что России, а следом за ней, может быть, и всему миру, не избежать каких-то катастрофических последствий. Ведь страна действительно была на грани экономического коллапса и политического взрыва, и казалось, что в любой момент может случиться все, что угодно. Невозможно было и представить, что всего десятилетие спустя российская экономика будет на подъеме.

И ведь Россия не просто избежала краха. Сегодня мировой экономике грозит финансовый кризис, сопоставимый с Великой депрессией 1930-х годов, на международных рынках царит тревожное настроение, а Россия на удивление хорошо себя чувствует. Более того, власти США смягчают бюджетную дисциплину, наращивают ликвидность и пытаются спасти крупные финансовые учреждения от банкротства — то есть фактически чуть ли не сознательно повторяют ошибки, допущенные Россией в конце 1990-х годов. И потому, как это ни парадоксально, теперь уже ветеран российских государственных финансов Алексей Кудрин мог бы, наверное, посоветовать американцам, как лучше всего справиться с финансовыми неурядицами.

В августе 1998-го в России закончился пусть и хаотичный, но неизбежный после развала советской системы переходный период и началось строительство уже совсем другой страны. Но не буду забегать вперед. Хотя кризиса могло и не быть, он все-таки случился, и, чтобы понять его истоки, нужно хотя бы вкратце вспомнить, с чего все начиналось в постсоветской России и как происходило ее трудное становление уже в качестве вполне современной страны<sup>[9]</sup>.

С точки зрения внешнего мира этот этап истории России заключается прежде всего в том, что она начала возвращаться в глобальную экономику. Но нельзя забывать, что с тех пор, когда она еще была частью этого мира, прошло семьдесят лет и что к 1991 году в стране уже не было практически никого, кто застал бы те времена во взрослом возрасте<sup>[10]</sup>. Поэтому реинтеграция России была процессом очень специфическим, и история членства в МВФ, вплоть до кульминационного августа 1998 года, только подчеркивает это.

## Что было бы, если...

Мы только что пережили крайне опасный период в российской, да и в мировой, истории, хотя плохо отдаем себе в этом отчет. А ведь в последние 15 лет в России действительно могло случиться все, что угодно. Например, когда Ельцин в сентябре 1993 года распустил Верховный Совет, армия могла выступить не за него, а против. Страшно подумать, во что бы это вылилось. Или, например, Ельцин в 1996 году мог пойти на поводу у Сосковца и Коржакова, приостановить действие Конституции 1993 г. и отменить президентские выборы. Что стало бы с Россией тогда? Ведь, скажем, непредсказуемый и решительный генерал-десантник Александр Лебедь мог бы сплотить вокруг себя оппозицию и добиться того, чтобы больного и непопулярного Ельцина просто отправили в отставку. И сегодня в России могла бы заправлять некая хунта пиночетовского образца.

Слава богу, ничего подобного не случилось. Но если учитывать, что России предстояло положить конец самому извращенному и крупномасштабному социальному эксперименту в современной истории, за который уже успели заплатить жизнью десятки миллионов людей, и что в распоряжении ее армии по-прежнему находилось почти 6 000 активных ядерных боеголовок, в том числе и на боевом дежурстве, то становится очевидно, насколько же нам повезло. Именно повезло. Потому что относительно счастливый исход тех бурных событий ни в коем случае не был предопределен. Все могло кончиться гораздо хуже.

## Особенности партнерства России и МВФ

В 2002 году США и Европейский союз объявили Россию страной с рыночной экономикой, а агентство Moody's в октябре 2003 года повысило ее рейтинг до инвестиционного уровня. Тем не менее, очевидно, что во многих отношениях переход к рыночной экономике в России еще не завершен. Нет сомнения, что со временем эта страна — самая большая и населенная в Европе — станет и самой богатой на континенте; уже сегодня ее экономика выходит на 7-е место в списке крупнейших в мире, впереди Франции и Италии. Но многое еще предстоит сделать<sup>[11]</sup>.

Остается бесспорным, что такого быстрого и успешного выхода России из кризиса никто не ожидал. Правда, во времени этот процесс в целом совпал с ростом мировых цен на нефть, но только ли в этом его причина — вопрос не такой простой (см. главу 11).

При рассмотрении последствий кризиса 1998 г. все более или менее согласны в том, что реформы еще не проведены в полном объеме, хотя и нет однозначного ответа на вопросы, почему столько преобразований остаются неосуществленными и насколько вообще процесс реформ необратим. Но уже гораздо больше споров вызывают роль и влияние Запада в 1990-х годах, уместность рекомендаций, предлагавшихся тогда из-за рубежа, а так же цепочка финансовых скандалов, из-за которых России стало гораздо сложнее добиться репутации надежного партнера.

Разобраться во всем этом действительно непросто: в тех тесно переплетенных между собой событиях было слишком много и героев, и злодеев, что в России, что на Западе. Но зато, следя за развитием истории, читатель сможет убедиться: это сегодня, по прошествии времени, кажется очевидным, что все вроде бы складывалось удачно. В разгар событий определяться было гораздо труднее. И это одна из главных сложностей в политической экономии: чтобы составить взвешенное мнение, нужно время.

Тем не менее, когда Россия еще только начинала свое становление на развалинах Советского Союза, слишком многим казалось, что процесс нормализации не займет много времени, тем более что в 1980-е годы в некоторых других переходных экономиках именно так и получилось. И в силу этих ни на чем не основанных надежд западные и российские политики ставили перед обычными людьми задачи и навязывали им стиль работы, которые вряд ли могли

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно  
в интернет-магазине  
«Электронный универс»  
[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)